

Разные формы групповой идентичности и политический конфликт в Кыргызстане: теоретический подход

*Александр Волтерс, исследователь, Центр социальных исследований,
Американский университет в Центральной Азии*

ВВЕДЕНИЕ

Политическая борьба в Кыргызстане, по мнению многих ученых-политологов, обусловлена конфликтами между различными группами кыргызского общества, стремящимися получить доступ к ресурсам, которые весьма ограничены. Однако до сих пор не поставлена точка в дискуссии о том, какая групповая идентичность, на самом деле, играет ключевую роль в политическом конфликте¹. Некоторые эксперты отводят эту роль группам, сформированным на региональной основе², другие настаивают на том, что только клановая идентичность достаточно сильна, чтобы участвовать в бесконечной политической полемике³. Скотт Радниц, осуществив полевые исследования в Аксыйском районе, недавно заявил, что только идентичность местной группы способна к политической мобилизации и что динамика политического конфликта в Кыргызской Республике никоим образом не может быть объяснена наличием идентичности на базе клановой принадлежности или существованием региональной идентичности⁴.

С моей точки зрения, вызывает сомнение распространенное устоявшееся восприятие групповых идентичностей как устойчивых феноменов социального конфликта в Центральной Азии. Я подвергаю сомнению допущение о том, что есть лишь одна групповая идентичность, наличием и деятельностью которой и объясняется политическая борьба в Кыргызстане. По моему мнению, политическая картина в стране намного сложнее и нуждается в более дифференцированном объяснении. Во-вторых, я сомневаюсь в том, что групповая идентичность в Кыргызстане такая же статичная, как ее описывают Джонс Луонг (Jones Luong), Коллинс (Collins) или Радниц (Radnitz). В своих теоретических рассуждениях эти авторы полагаются на конструктивистский подход, с тем чтобы объяснить динамику изменения идентичности. Что же касается особенностей, присущих советскому государству, с его институциональной средой и дефицитной экономикой, то они описывают способность адаптироваться к меняющимся окружающим условиям, которую проявили сильные групповые идентичности. Считается, что если групповые идентичности приспособились к советской действительности, значит, они могут приспособиться к любой окружающей среде. Однако можно и оспорить утверждение о том, что способность групповой идентичности адаптироваться, некогда доказанная в советские времена, все еще действительна и на постсоветском пространстве. У меня создалось впечатление,

¹ См.: *Азамат Темиркулов*. Трайбализм, социальный конфликт и строительство государства в Кыргызской Республике// *ВегНпег* (Меигора Ю. - Vol. 21. - 2004. - С. 94-100.

² *Полин Джонс Луонг*. Источники институциональной преемственности: советское наследие в Центральной Азии. Доклад, подготовленный для представления на Ежегодной встрече американской ассоциации политологии. - Вашингтон, 2000. - 31 августа - 2 сентября.

³ *Кэтлин Коллинс*. Клань, пакты и политика в Центральной Азии// *Journal of Democracy*. - Т. 13 (3). - 2002. - С. 137-152.

⁴ *Скотт Радниц*., Сети, локализм и мобилизация в Аксы, Кыргызстан//*Центральноазиатский обзор*. - Т. 24 (4). - 2005. - С. 405-424.

что, напротив, мы можем наблюдать продолжающийся процесс распада групповой идентичности в Кыргызстане после распада СССР.

Прежде, чем приступить к подробному разъяснению этой идеи, я остановлюсь на объяснениях сути политического конфликта в Центральной Азии, которые были предложены Полин Джонс Луонг и Кэтлин Коллинс. После этого будет дана оценка гибкости советского государства и его наследия для независимого Кыргызстана. В заключение я выскажусь о перспективах отношений между «конфликтом», с одной стороны, и «идентичностью группы», с другой, и обозначу области дальнейших исследований в Центральной Азии.

КЭТЛИН КОЛЛИНС: КЛАНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В своем исследовании клановой политики в Центральной Азии Кэтлин Коллинс рисует убедительную картину динамики борьбы за власть в трех центральноазиатских государствах после распада Советского Союза⁵. Она утверждает, что пакты, заключенные ведущими кланами на заре независимости, способствовали установлению политической стабильности. Эти пакты сами по себе предоставили назначенным политическим лидерам власть, позволяющую им преследовать личные политические цели при условии, что эти лидеры будут удовлетворять частные потребности других членов договора. В Кыргызстане таким избранным лидером оказался Аскар Акаев, который, по утверждению Коллинс, стремился создать демократические институты и подтолкнуть общество к преобразованию экономики страны в рыночную⁶. Со временем, когда миновали девяностые годы, потребности тех кланов, которые участвовали в пакте, выросли, и Акаеву стало все труднее удовлетворять их. Коллинс обращает особое внимание на клан «первой леди» - Майрам Акаевой, иначе называемый сарыгуловским кланом, и на усубалиевскую сеть. По мере того, как представители клановых сетей становились все более жадными, система генерировала все больше и больше аутсайдеров. В итоге осталось только несколько лояльных посвященных лиц, которые прибегли к репрессивным политическим средствам для того, чтобы защитить свою власть над политическими ресурсами (наиболее яркий пример - арест Феликса Кулова, бывшего сторонника президентства Акаева и, по определению Коллинс, также являющегося член пакта)⁷.

Аргумент Коллинс объясняет многие политические события, произошедшие за последние годы в Кыргызской Республике. Даже так называемая «тюльпановая революция» укладывается в рамки жесткого противостояния клановых группировок, конкурирующих в борьбе за имеющиеся в стране ограниченные ресурсы - система бесконечно генерирует аутсайдеров до тех пор, пока их число не возрастает настолько, что начинает представлять серьезный вызов позиции клана, находящегося у власти.

⁵ Я ссылаюсь здесь на работу доктора Коллинс, опубликованную в 2006 г. в несколько измененном виде в кн.: *Кэтлин Коллинс*. Клановая политика и переходный режим в Центральной Азии.

⁶ Там же. - С. 48-54, 175-192.

⁷ Там же.-С. 224-250.

Здесь мы выдвигаем следующий аргумент: принадлежность к тому или иному клану играет большую роль. Если я - член клана, это связывает меня особыми обязательствами взаимности в ходе контактов с другими членами моей родственной группы. Эти связи, будучи фактически основанными на реальных или вымышленных родственных отношениях, тем не менее, переводятся в нормы, которые требуют от каждого члена группы исполнения взаимных обязательств. Обмен с человеком моей собственной группы идентичности будет стоить мне меньше, чем подобная сделка с посторонним человеком. Коллинс приводит доказательства, согласно которым акторы политической борьбы предпочитают иметь в качестве союзников своих родственников, потому что такое предпочтение связано с меньшими операционными расходами (и, наоборот, отказ от такого вида предпочтения может значительно повысить операционные затраты, возникающие в процессе альтернативного обмена)⁸.

Можно привести такой пример: если государственной администрации необходимо заполнить появившуюся вакансию, то эта администрация, согласно логике Коллинс, предпочтет человека из своего клана, не обращая особого внимания на формально предписанное правило соблюдения процедуры отбора претендентов на государственную должность на основе заслуг, что увеличивает операционные расходы. Государственная администрация также откажется просто продать эту должность. Недалековидная одноразовая сделка будет стоить ей гораздо больше, так как предполагается, что клановые отношения будут длительными и могут повлиять на будущие конфликтные ситуации.

ДЖОНС ЛУОНГ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЕТИ

Подобный аргумент, выдвигаемый с точки зрения идентичности и снижения операционных расходов, был предложен Полин Джонс Луонг. Она заявляет, что региональные идентичности формируют основу сетей, конкурирующих в борьбе за доступ к властным ресурсам⁹. Джонс Луонг рассматривает институциональную среду советской административно-территориальной структуры как главный источник генерирования этих региональных сетей. С введением очень влиятельной должности первого секретаря района появились новые сети «патрон-клиент», принизившие роль традиционных социальных идентичностей, включая племенные¹⁰.

Анализируя существо конфликта между центральными и региональными элитами, выступающими в начале 90-х годов за изменение правил выборов, Джонс Луонг рисует убедительную картину очень влиятельного положения именно региональных представителей. Она доказывает фактами свой главный пункт - что главными конкурентами в этой игре были сильные региональные личности,

⁸ О концепции операционных затрат в социологии см. в работе: *Hung Ванг*. Как измерять операционные затраты: незаконченный обзор//ИюпаЫ Соазе ГшйШе Шогкт§ Рарег 8епез, No. 2 (February), 2003.

⁹ См.: *Полин Джонс Луонг*. Институциональные изменения и политическая преемственность в постсоветской Центральной Азии. Власть, ее восприятие и пакты. - Cambridge, 2002.

¹⁰ Там же. -С. 51-82.

представляющие региональные сети, которые были внедрены в региональные групповые идентичности.

Логика, лежащая в основе данного аргумента, сходна с логикой, которую мы обнаруживаем у Коллинс. Принадлежность к одной и той же региональной сети приводит к сокращению операционных расходов в случае процедур обмена. В действительности это утверждение означает, что если госадминистрации нужно заполнить вакансию, то она предпочтет кого-то из своей региональной сети, не обращая внимания на формально установленное правило соблюдения процедуры отбора на основе заслуг. Любое нарушение этого неофициального правила увеличит операционные расходы, так как человек должен бояться «социальных» наказаний, которые последуют со стороны других членов региональной группы. Однако эти расходы будут уменьшены, если госадминистрация будет действовать согласно неофициальному правилу, будучи включенной в сеть, которая структурирована вокруг особой, в данном случае региональной, идентичности.

Оба автора считают, что группы идентичности являются главными акторами в политических конфликтах в Кыргызстане (и Центральной Азии). Утверждается, что связующая составляющая внутри группы, которая базируется на региональной или клановой идентичности, сильнее, чем нормы формального государства или конкурирующих групп идентичности. Оба автора обращаются к советскому прошлому, чтобы объяснить появление соответствующих групп. Они определяют специальные механизмы воспроизводства идентичности группы в структуре советского государства и социалистической экономики.

ГИБКОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Коллинс подкрепляет свои аргументы в защиту значительной роли идентичности, сложившейся на клановой основе, убедительными примерами. Она пересказывает историю гибкости советского государства, показывая, что распределительная система командной экономики позволила группам, основанным на идентичности клана, перестроиться и воспроизвести себя. В стране с экономикой дефицита принадлежность к клановой сети являлась своеобразным средством компенсации за существующие неудобства. И поскольку распределительный аппарат советского государства предлагал множество возможностей для компенсации, повышалась значимость клановых сетей. История показывает, что одна группа расширенной семьи, или один клан, охватывала иногда целый колхоз. Лидер клана, возможно, становился председателем колхоза, а другие официальные должности распределялись согласно неофициальной иерархии клана, и таким образом сохранялась структура клановой группы¹. Коллинс подкрепляет свой аргумент, показывая, что идентичности на основе клана были самыми надежными для членов общества, в котором конкурирующие идентичности никогда не считались реальной альтернативой².

¹ *Кэтлин Коллинс. Клановая политика.. - С. 84-9*

² Там же. - С. 58.

Луонг также ссылается на феномен гибкости советского государства, но при этом меняет центр внимания. Она делает акцент на формальную институциональную среду в советской Средней Азии, которая, по ее мнению, обеспечивала формирование сильного регионального клана вокруг ведущей фигуры, занимавшей должность первого секретаря данного района. Первым секретарям районов предоставлялись большие полномочия по распределению материальных ценностей и назначению и увольнению по своему желанию чиновников, находящихся в их подчинении. Благодаря этому они добивались лояльности людей в своих регионах¹³. Люди обращались в районный центр за помощью и решением конфликтных ситуаций, а с другой стороны, поддерживали «своего» первого секретаря в конфликтах с другими районами или с республиканским центром. В результате сложились крепкие региональные связи, поддерживаемые идентичностью региональных групп. Нужно добавить, что, согласно Джонс Луонг, эти идентичности существовали еще до того, как появилось советское государство. Однако только в советские времена их продвигали, тогда как альтернативные идентичности, включая племенные, принижались в отношении их участия в политических процессах.

Я не могу не согласиться частично с обоими авторами. Действительно, советское государство обладало большой гибкостью, изменяя общество через формальную политику, а также через непреднамеренные последствия структуры социалистической экономики. И рассказ Коллинз о том, как в советском обществе была воспроизведена идентичность на базе клана, звучит довольно убедительно. В то же самое время так же убедителен и рассказ Джонс Луонг о формировании региональных сетей.

Но я не согласен с этими двумя авторами в той части, где объясняется структура и динамика текущих политических конфликтов в Кыргызстане. Я считаю, что с распадом Советского Союза институциональная среда, а также характер экономики резко изменились. Уже не существует формальных государственных должностей, которые бы допускали воспроизводство региональных сетей. Губернатор области будет до тех пор губернатором, пока президент хочет видеть его на этой должности¹⁴. Во времена Акаева губернаторы Ошской области менялись, в среднем, каждые полтора года. С другой стороны, уже не существует всеобъемлющих компенсационных возможностей социалистической экономики. Последняя поддерживала воспроизводство сетей идентичности на основе клана не только через дефицит в формальной экономике и соответствующие средства его компенсации, но также и через отсутствие денег как надежного механизма контроля операционных затрат.

Сегодня ситуация радикально изменилась. Прежде всего, стали доступны деньги как инструмент управления. Во-вторых, дефицит возрос, как и конкуренция за доступ к возможностям компенсации дефицита. И если в советские времена

¹³ *Полин Джонс Луонг. Этнополитика и институциональная схема: объяснение создания избирательных систем в постсоветской Центральной Азии: Докторская диссертация. Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, 1997. - С. 124-129.*

¹⁴ После ноябрьских событий 2006 года горячо обсуждалась эта прерогатива президента. Некоторые эксперты считают, что, по новой Конституции, президент лишен таких полномочий. Однако он и его советники стремятся заполучить их вновь. См.: Основные моменты новой редакции Конституции //Лента новостей, 22 декабря 2006 г., www.pr.kg (29 декабря 2006 г.).

стоял вопрос об улучшении жизни, т. е. чтобы люди могли жить достаточно хорошо, то сегодня стоит вопрос о том, выживут ли доведенные до нищеты люди или нет.

ПЕРСПЕКТИВА ИЗМЕНИЛАСЬ

Заклучив, что главные советские механизмы воспроизводства идентичности уже более не существуют в Кыргызстане, остается ответить на вопрос, что же фактически формирует идентичность групп в этом обществе. Основываясь на данных, полученных мною во время полевых исследований в провинциальном городе на севере Кыргызстана¹⁵, можно сформулировать простой предварительный ответ - ничто. Моя гипотеза состоит в том, что в постсоветском Кыргызстане не произошло адекватной замены механизмов советского стиля воспроизводства групповой идентичности, описанных Коллинс и Джонс Луонг. Советской машине преобразования удалось заменить традиционные механизмы воспроизводства различных идентичностей, не разрушая традиционной групповой идентичности. Идентичность клановой группы и идентичность региональной группы смогли стать частью специфической структуры советской государственной администрации и ее социалистической экономики. Кроме того, советскому государству, хотя оно и считалось модернизирующей силой, не удалось сформировать современную групповую идентичность в Центральной Азии в продолжение семидесяти лет советской власти. Сегодня государства Центральной Азии столкнулись с отсутствием механизмов воспроизводства идентичности групп. Можно сказать, что семена распыления общества были посеяны в советские времена, оставив некоторые из постсоветских государств без надлежащих механизмов воспроизводства групповой идентичности. Традиционные механизмы были разрушены в советский период, социалистические механизмы прекратили существовать после распада СССР, а современные механизмы так и не были созданы.

Если принять данную гипотезу всерьез, это означает, что нужно отказаться от поиска групп идентичности в Кыргызстане и выявления их возможного воздействия на конфликт. Вместо этого мы должны спросить себя, что именно препятствует появлению групповой идентичности. Коллинс и Джонс Луонг подсказывают нам, где искать объяснение. Обе они указывают на конкуренцию, существующую среди групп идентичности, в борьбе за доступ к недостаточным ресурсам. Вот здесь, наверное, мы и можем обнаружить одну из главных сил формирования идентичности группы. Именно в ситуациях конфликта человек узнает о своей принадлежности к той или иной группе, определяя для себя союзников и чужаков. Можно провозгласить солидарность с группой, члены которой борются за достижение той же самой цели. Если конфликтная ситуация и борьба продолжают длительное время или возникают вновь и вновь, то на основе солидарности может вырасти сильная идентичность группы, будь то клановая, региональная, местная или современная в смысле класса (или просто профессии).

См.: *Александр Волтерс*. Групповая идентичность и политический конфликт в Кыргызстане: данные полевых исследований, 2007, www.src_auca.kg, (forthcoming).

Поэтому, чтобы понять политическую динамику Кыргызстана, мы должны сконцентрироваться на конфликтах и их воздействии на процессы формирования групповой идентичности. Пока же большинство ученых, изучающих конфликт в Центральной Азии, делают все наоборот. Если согласиться с интерпретацией советского наследия, данной выше, и поставить перед собой задачу понять, почему отсутствуют и не появляются в Кыргызстане группы идентичности (или, что еще хуже, исчезают остатки советской групповой идентичности), то анализ динамики конфликта позволит прийти к многообещающему направлению размышлений и исследований¹⁶. Я предполагаю, что конфликт в Кыргызстане непродуктивен, то есть он не дает развиваться групповой идентичности. Вместо этого конфликтами постоянно манипулируют, их блокируют и сдерживают их появление в общественной сфере и формальных политических процессах принятия решений. Одним из объяснений этого может быть другое наследие советской системы - формальное государство, которое выглядит слабым, но, на самом деле, является сильным, используя свои отношения с неофициальными учреждениями в целях контролирования общества¹⁷. Чтобы узнать больше о роли государства в управлении конфликтами и возможном манипулировании ими, необходимы дальнейшие исследования, особенно самой природы взаимосвязи между формальными и неофициальными учреждениями. Это, вероятно, один из возможных и самых многообещающих способов понять динамику конфликтов в Кыргызстане (и Центральной Азии) и их возможные последствия для будущего общества в этом регионе бывшего Советского Союза.

¹⁶ См.: *Созег, Бем>Из. Тье йшйш о!" 8она1 сопЯю!.* - Кете Уогк, 1956.

¹⁷ Аналогичные выводы о функции государства в постсоветской Грузии см. в работе: *Christophe, ВагЪага, Ме^агогрозеп с1ез ЁеУ1а1пап т етег ро81-8О21аН8й8спеп ОезеПзЪай: 2№18спеп Раззайеп с1ег Апагсье шк! ге§д1айуег АПгасп!.* - РЛекгеМ, 2005.